

0242

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Мэри Кокс

ВИШНЯ В ШОКОЛАДЕ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мэгги Кокс
Вишня в шоколаде
Серия «Любовный роман – Harlequin», книга 242

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3939815

Вишня в шоколаде: роман / Пер. с англ. Л.А. Игоревского.: Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03806-7

Аннотация

Эдуардо увидел ее на обочине в холодный зимний день – уличную музыкантшу, хрупкую, нелепо одетую, замерзшую. Подумав, что девушке нужен кров, он предложил ей работу в собственном доме. Но, как оказалось, Марианна не нуждалась в крыше над головой. Ей нужно было совсем другое...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мэгги Кокс

Вишня в шоколаде

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

«Удивительно, но ей не мешает даже такой холод», – подумал Эдуардо.

Последние три недели он зачастил в этот маленький старинный городок – его интересовала выставка в ратуше. И конечно, Эдуардо не мог не заметить девушку у обочины дороги. Она перебирала струны на гитаре и пела печальные народные песни, напоминая беспризорного ребенка из романов Диккенса.

«Неужели у нее нет родителей или кого-то, кто мог бы о ней позаботиться? Как видно, нет... – размышлял Эдуардо. – Но почему девушка зарабатывает себе на хлеб таким тяжелым и неблагодарным способом? Неужели нельзя было найти какую-то более подходящую работу?»

Впрочем, его интерес к уличной музыкантше был всего лишь любопытством, которое, без сомнения, скоро пройдет. В любой момент она может встать со своей гитарой в другом месте или вообще уйти, и он, скорее всего, никогда не увидит ее больше. Эдуардо остановился, чтобы положить банкноту в потрепанную твидовую шляпу – та лежала на тротуаре у ног девушки, – и прижал бумажку двумя монетами, чтобы ее не унес ветер.

– Очень милая песенка, – пробормотал он.

– Спасибо... только этого слишком много! – Девушка перестала бренчать и, взяв банкноту, сунула ее в руку Эдуардо.

Их взгляды встретились, и его охватило невероятно тревожное чувство. Ему показалось, что земля уходит из-под ног...

– Слишком много?.. – Он поднял брови, уверенный, что неправильно понял ее.

– Да. А если вы хотите пожертвовать какую-то сумму на благотворительность, тут недалеко есть церковь, в которой собирают средства для бездомных... Церковь Девы Марии. А я не прошу милостыню, и я не бездомная!

– Но около вас лежит шляпа с монетами! Разве вы не для этого стоите здесь и поете?

Эдуардо почувствовал закипающее раздражение, но не мог понять – почему. Разве он не привык к тому, что его щедрость отвергали? И зачем вообще тратить время на разговор с этой странной девушкой? Надо было просто уйти, и пусть себе поет за гроши, раз ей так нравится!

Но он никуда не ушел.

– Я пою потому, что меня что-то подталкивает к этому... а не из-за денег. Неужели вы никогда ничего не делали просто из чистой любви?

Эдуардо на миг онемел от такого вопроса и растерялся, чувствуя, как у него побежали мурашки по коже и перехватило дыхание.

– Я... мне надо идти...

– Как хотите. Это вы остановились и заговорили со мной...

– Я остановился вовсе не затем, чтобы поговорить с вами! – вспыхнул Эдуардо.

– Теперь вижу. Вы просто хотели сделать себе приятное, оставив мне довольно крупную купюру, а потом пойти дальше с чувством удовлетворения: сегодня вы совершили добрый поступок. Так ведь?

– Вы просто невыносимы!

Ругнувшись про себя, Эдуардо сжал костяной набалдашник трости и, хромая, отошел. Он уже практически достиг конца улицы, когда его чуткое ухо снова уловило бречение гитары и печальный тонкий голосок девушки.

Интересно, смотрела ли она ему вслед? Он с раздражением подумал, что, видимо, так и было, иначе почему она так долго не начинала петь? Да, она наверняка наблюдала за ним... видела, как он идет, хромающий калека! Может, даже почувствовала к нему жалость?

Подобная мысль резанула его. «Если, к несчастью, мне доведется когда-нибудь снова увидеть эту уличную музыкантшу, я пройду мимо! – поклялся он. – Кем она, черт возьми, себя возомнила, раз так пренебрежительно отвергла мой добрый порыв?»

Но когда, преодолевая боль, Эдуардо заставил себя ускорить шаг, вопрос, который задала уличная музыкантша, насмешливо зазвучал в его голове: «Неужели вы никогда ничего не делали просто из чистой любви?» У него даже защипало в глазах.

Яростно выругавшись, Эдуардо бесцельно направился в центр города, едва ли понимая, что наказывает свою раненую ногу только из-за малозначительного высказывания какой-то уличной певички, которая отказалась от денег и тем уязвила его гордость...

Температура явно упала до минусовой. Марианна почти не чувствовала гитарных струн онемевшими пальцами. Соблазнительная мысль побаловать себя кружкой горячего шоколада, сидя перед зажженным камином, быстро погнала ее в сторону дома. Она приказала себе не думать о том, что вернется в пустой гулкий мавзолей, где все – от элегантного декора до замечательной музыкальной комнаты с блестящим роялем – напоминало ей о муже и друге, которого она лишилась так рано...

«Продолжай жить дальше, когда меня не станет, – умолял ее Доналд, лежа в больничной палате, и по его горящим глазам Марианна с ужасом поняла, что он долго не протянет. – Продай этот проклятый дом со всем имуществом, если хочешь! Поезжай и посмотри мир... встречайся с людьми, путешествуй... Поживи за нас обоих!»

Она так и сделает, но не сейчас. Марианна все еще пыталась найти свое место в мире, опустевшем без того единственного человека, который по-настоящему любил ее.

Начала она с того, что стала играть на улице. Марианне очень хотелось преодолеть страх перед публикой, ведь она собиралась время от времени петь в местном клубе. И такой шаг был для нее очень полезным.

И в то же время, играя на улице, она как бы говорила судьбе: «Ничего ужаснее ты не могла сделать?

Отобрала у меня мужа и снова оставила одну? Ну так посмотри!»

С каждым днем Марианна становилась все уверенней. Доналд был бы горд, что она нашла в себе мужество сделать такой радикальный и необычный шаг к своему собственному исцелению. А вот его двое взрослых детей от предыдущего брака восприняли это как признак неадекватности мачехи... Признаком того, что Марианна могла оказывать «не совсем правильное» влияние на их отца.

Неожиданно перед мысленным взором всплыл образ того незнакомца, который подошел к ней сегодня и положил пятидесятидолларовую банкноту в ее шляпу. У него были манеры богатого человека, и говорил он на безукоризненном английском, хотя и с легким акцентом... может, южноамериканским? От мужчины исходила такая властность, от которой Марианна еще совсем недавно съежилась бы. Но уход за Доналдом во время его долгой

и оказавшейся в конечном счете неизлечимой болезни, двухмесячное ночное бдение возле его больничной койки воспитали в ней стойкость.

Сжимая в руках кружку горячего шоколада, Марианна пристально смотрела на дрожащий в камине огонь, и черты того человека, который взволновал ее сегодня, все четче вырисовывались в сознании. Марианна никогда не видела глаз такого необычного голубого цвета – словно морозная голубизна безоблачного зимнего неба... И хотя у мужчины были золотистые волосы, ресницы оказались темно-шоколадного цвета. А еще Марианна заметила нос с горбинкой и красиво очерченный рот, правда, довольно жесткий.

Зря она сказала этому мужчине, что он только ради собственного тщеславия положил так много денег в ее шляпу. Напрасно! Откуда ему было знать, что после пережитой трагедии Марианна поклялась никогда больше ни от кого не принимать помощи и не ждать ее? Что ее вера в хорошее была подорвана, когда после кошмарного детства с безответственным отцом-алкоголиком она наконец обрела счастье в браке, а ее муж умер всего через полгода их совместной жизни?

«Незнакомец посмотрел на меня так, словно его самого терзало что-то», – вспомнила Марианна. Несколько секунд она не знала, что и думать, встретив его взгляд. Но прежде чем принесла свои извинения, он ушел... хромая. Интересно, это последствие какой-то аварии или болезни? Ей вдруг показалось неправильным, что такой крупный, привлекательный и сравнительно молодой мужчина имеет столь очевидный физический недостаток. Хотя это несколько не испортило незнакомца, а даже привносило что-то загадочное в его облик.

– Вы опять перегрузили ногу, не так ли?

– О, ради бога, оставьте делать мне замечания! Я не ребенок!

При взгляде на нахмурившегося доктора Эдуардо подумал, что с радостью навсегда отказался бы от его визитов, которые тот наносил ему каждые две недели. Но после девяти операций на раздробленной ноге ему было необходимо регулярное медицинское наблюдение. Эдуардо обратился к Эвану Пауэллу по рекомендации своего бразильского хирурга.

– Мне говорили, моя нога со временем станет совершенно нормальной, – нетерпеливо проговорил Эдуардо. – Тогда какого черта это тянется так долго?

– Ваше бедро было почти раздроблено. И вы рассчитывали, что легко поправитесь после девяти серьезных операций? И примите мой совет: перестаньте относиться к своему телу как к какому-то механическому прибору!

– Когда мне потребуется ваше мнение по поводу того, как я к себе отношусь, – раздраженно сказал Эдуардо, настроение которого ухудшалось с каждой секундой, – я спрошу об этом!

– Что ж, тогда... – Пауэлл взял с кресла свое кашемировое пальто и аккуратно перекинул через руку. – Не надо никого беспокоить. Я выйду сам. Желаю вам доброй ночи, мистер де Сауза.

– Мне не следовало разговаривать с вами таким тоном. Но сегодня был тяжелый день... – Эдуардо встал с кресла, с трудом преодолевая боль в ноге. Он бросил взгляд на французские антикварные часы на мраморной каминной доске. Почему его жизнь продолжается после трагедии, лишившей его жены и еще не родившегося ребенка? – Простите меня. Очень любезно с вашей стороны, что вы проделали весь этот путь в такой ненастный вечер.

– Ничего страшного.

Если Эван Пауэлл и счел себя обиженным, он быстро превозмог обиду, пожал костлявыми плечами и с интересом оглядел красивую, залитую светом ламп гостиную с огромными окнами, выходящими на поля и густой лес за ними. Этот ландшафт сейчас, в одну из самых суровых английских зим, был укутан снежным покрывалом.

– Вы живете здесь очень изолированно. Может, вам сейчас нужно чье-то общество? – предположил он с откровенностью, иногда уместной между двумя мужчинами.

Эдуардо прищурился:

– Вы имеете в виду женщину, доктор?

Впервые за два года он не отверг немедленно эту идею. Более того, память тут же услужливо нарисовала очень привлекательную картину – уличную музыкантшу с огромными глазами цвета грецкого ореха, очаровательным ротиком и волной медовых волос...

Это привело его в смятение. Интересно, сколько ей лет? Семнадцать... восемнадцать? Неужели в довершение всего здравый смысл покинул его? Возможно, он и в самом деле созрел для какого-то женского общества, но только для восстановления сил, не более того. После гибели Элианы Эдуардо навсегда исключил для себя всякие длительные отношения.

Не получив ответа, хирург снова пожал плечами и примирительно улыбнулся:

– Это просто предположение, дорогой мой... А теперь послушайте моего совета – не перегружайте ногу. Я рекомендую вам совершать ежедневные двадцатиминутные прогулки... ну, может быть, получасовые, но не более длительные. Если у вас возникнут какие-то вопросы, звоните. До встречи. Доброй ночи.

Слуга Рикардо появился на пороге комнаты, чтобы проводить доктора.

– Доброй ночи, мистер Пауэлл... и еще раз спасибо за то, что приехали в такую погоду. Будьте, пожалуйста, осторожны.

* * *

Эдуардо изо всех сил пытался сосредоточиться на черно-белой комедии сороковых годов. Он сидел, уставившись в плоский экран ультрасовременного телевизора.

Удовольствия от просмотра Эдуардо не получал никакого. Просто у него вошло в привычку смотреть фильмы в предрассветные часы, ведь заставить себя уснуть он не мог. Когда в голове крутится один и тот же набор ужасных картинок, словно заклинившаяся во время перемотки лента фильма ужасов, разве тут до сна? В некоторые вечера Эдуардо не мог заставить себя даже войти в спальню, поэтому до утра, накинув на ноги плед, дремал на одном из уютных кожаных диванов в гостиной. Вдобавок ко всем его душевным переживаниям боль, обжигающая и мучительная, часто стреляла в его раненую ногу.

Стоически игнорируя искушение налить себе стакан виски, чтобы заглушить мучения, Эдуардо с чувством выругался. Окончательно отказавшись следить за веселящимися экранными персонажами, он выключил телевизор. Даже отвлечься ему не удавалось! Ему казалось, что он смотрит в черную бездну, навсегда потеряв всякую надежду снова увидеть дневной свет и ощутить тепло.

Горько вздохнув, он вновь вспомнил уличную музыкантшу и подумал, что даже она, при всей ее бедности, гораздо счастливей, чем он – со всем богатством и привилегиями.

Когда серый рассвет неохотно проник в комнату между раздвинутыми бархатными гардинами на окнах, Эдуардо почти решил, что, когда в следующий раз наведается в городок, он не станет игнорировать девушку-музыкантшу, как поклялся раньше. Он поговорит с ней, расспросит об обстоятельствах ее жизни и, возможно, предложит помощь. И пусть она рассмеется ему в лицо и скажет, чтобы он уходил и втюхивал свои деньги кому-нибудь другому!

В конце концов, решив, что его стремление помочь молодой девушке было вызвано лишь мыслями о том, что его собственный ребенок мог бы оказаться в подобной ситуации, Эдуардо проглотил подступивший к горлу ком и, устроившись поудобней, насколько это было возможно на диване, наконец провалился в поверхностный, не приносящий облегчения сон...

Глава 2

Сделав перерыв в работе, Марианна попыталась отогреться кофе с молоком, купленным в местной кофейне, и глазела на улицу. К сожалению, и сегодняшний день не обещал никакого потепления. Луч холодного солнца упал на тротуар в нескольких ярдах от нее, высветив среди прохожих чью-то золотоволосую голову.

Это он! Тот самый богатый мужчина с суровым ртом и тростью с костяным набалдашником. «Сегодня он хромает не так сильно», – отметила Марианна, наблюдая за ним. Все внутри ее перевернулось, когда она увидела, что он направляется в ее сторону.

Через несколько мгновений незнакомец уже стоял перед ней.

– Добрый день, – вежливо произнес мужчина, и уголок его сурового рта едва заметно приподнялся, что могло стать началом улыбки.

– Здравствуйте, – пробормотала Марианна, сжав рукой в варежке стаканчик с кофе, с которым она вышла из кофейни.

– Вы не поете?

– Нет... Сделала перерыв. Греюсь.

Марианна почувствовала на себе его тяжелый взгляд, и ей стало не по себе. Голубые глаза, казалось, пытливо смотрели ей прямо в душу. Доналд никогда не смотрел на нее так. Взгляд мужа был бесконечно добрым...

– Как идут дела?

– Нормально. – Пожав плечами, Марианна взглянула на небольшую кучку медяков и серебряных монет в шляпе у ее ног. – Как уже говорила, я пою не только из-за...

– ...денег. Я помню. Вы поете, потому что вам это нравится, правда?

– Да. – Она смутилась, вспомнив о всплеске своих эмоций в тот день. – Послушайте, мне очень жаль, если я как-то обидела вас...

Эдуардо слегка наморщил высокий лоб и осторожно окинул взглядом ее плохо сочетающиеся друг с другом предметы одежды: лиловые колготки, коричневые сапоги, какое-то красное одеяние поверх кремового свитера и явно мужскую куртку-дубленку, которая была ей чересчур велика, бежевый шарф вокруг шеи...

– Ну... если вам это интересно, я пожертвовал деньги, которые отдал бы вам, церковному фонду для безработных, как вы и посоветовали. Позвольте мне представиться. Эдуардо де Сауза. – Он снял перчатку и протянул ей руку.

Поколебавшись долю секунды, Марианна, не снимая варежки, вложила свою руку в его ладонь. Она могла бы поклясться, что даже через толстую шерстяную варежку почувствовала, как тепло его тела передается ее руке.

– Марианна... Марианна Локвуд. Вы, похоже, нездешний, да?

– Сейчас живу в Великобритании, а вообще я не отсюда... вы правы. Я из Бразилии... Рио-де-Жанейро.

– Страна самбы, солнечного света и карнавала? Ой, простите... наверное, вам ненавистна эта избитая фраза.

– Ничего подобного. Я горжусь своей страной и тем, чем она богата.

– И находитесь здесь, чтобы превратиться в сосульку, вместо того, чтобы нежиться на солнце?

– Даже солнце может надоесть, если его чересчур много, – с серьезным видом сказал Эдуардо. – Кроме того... я наполовину англичанин, так что знаком со здешним климатом. К тому же после зимы всегда наступает весна, правда?

– Да. Я люблю весну. А... какие дела у вас здесь сегодня? Покупки? Встреча с кем-то?

– Ни то ни другое. Я прихожу на выставку в ратуше. Удивительно, но в этом притягательном маленьком городке есть что посмотреть.

– Это правда. Летом тут довольно оживленно.

– Могу представить.

К полнейшему удивлению Марианны, ее собеседник неожиданно улыбнулся, его глаза на мгновение ярко вспыхнули. Что-то в душе девушки тут же откликнулось на эту улыбку, и она насторожилась.

– Здесь есть и речные маршруты, на катере. Они всегда очень популярны у туристов.

Допив кофе, Марианна поставила пустой стаканчик позади себя на тротуар и взяла гитару, лежавшую в открытом футляре. Удивленная тем, что такой светский и явно богатый мужчина, как Эдуардо де Сауза, посчитал нужным представиться такой девушке, как она, Марианна невольно насторожилась. Потом, взглянув на его красивое, как у киноактера, лицо и внушительную фигуру, скрытую кашемировым пальто, решила, что, скорее всего, с его стороны это было просто желание скоротать время.

– Извините, но я должна вернуться к тому, ради чего нахожусь здесь.

Сняв варежки, Марианна взяла несколько аккордов, настраивая гитару. Проходившие мимо французские студенты тут же с интересом посмотрели на нее. Что касается красивого приезжего, тот упорно оставался стоять рядом, явно никуда не торопясь.

– В следующий раз, когда я буду в городе... может, вы позволите мне угостить вас обедом? – предложил он.

Марианна опешила. От одной мысли о том, что она будет сидеть целый час, а то и больше в каком-то модном ресторане напротив этого мужчины, ее бросило в жар. Какая у них могла быть общая тема для разговора?

– Спасибо, но нет, – поспешно ответила она. – Я не обедаю, когда работаю.

– Вы не делаете никакого перерыва, чтобы поесть? – удивленно спросил Эдуардо.

– Я делаю перерыв, но только чтобы выпить кофе, иногда и съесть заодно круассан или булочку. Основной мой обед – вечером, когда я прихожу домой.

– Тогда, может быть, я угощу вас кофе с пирожным?

Не придумав никакой причины для отказа, Марианна нехотя кивнула:

– Хорошо. А теперь мне пора вернуться к своему занятию.

– Тогда я попрощаюсь с вами, Марианна. – Мужчина коротко, с загадочным видом кивнул. – До встречи.

Встреча произошла двумя днями позже. Подвергавшаяся испытанию душем из ледяного дождя со снегом, Марианна пряталась под зонтом вместо того, чтобы играть на гитаре, и уже всерьез подумывала о том, не прекратить ли ей петь и уйти? Но тут выглянуло солнце, ледяной душ стих – и, словно по волшебству, появился Эдуардо де Сауза.

Он был в своем модном кашемировом пальто и в небрежно брошенном на шею шарфе. В таком наряде уместнее пойти на театральную премьеру, а не совершать обыденную поездку в маленький городок.

– Здравствуйте, – улыбнулся он, а его низкий, густой голос прозвучал немного более хрипло, чем она помнила.

– Привет... – пробормотала Марианна. Потом стряхнула капли с зонта, сложила его и прислонила к стене. – Не слишком удачный день для поездки в город, – заметила она.

– К счастью, я не попал под ливень. Весь предыдущий час провел на выставке.

– На той же, на которую вы приезжали раньше? – Да.

– Должно быть, это какая-то очень увлекательная выставка, раз вы туда так зачастили. Что там такое?

– Это выставка работ одного французского фотографа, которого я лично просто обожаю... ретроспектива его парижской жизни сразу после войны, в то время, когда город восстанавливали. Он недавно умер, я увидел статью в одной из местных газет с рекламой этой выставки.

– О! – Вытащив гитару из футляра, Марианна смущенно улыбнулась. – Пожалуй, мне надо сходить и посмотреть самой, пока выставка еще не закрылась.

– А вас интересует эта тема?

– Меня всегда интересовало творчество и искусство... в любой форме. Мне интересен взгляд других художников на мир. Мы так по-разному смотрим на все, что нас окружает!

На миг человек, стоявший перед ней, замер, словно всерьез и в то же время без всякого удивления обдумывал то, что сказала Марианна. Потом он бросил взгляд на свои часы, дорогие на вид, но в то же время не бросающиеся в глаза:

– Как насчет того, чтобы пойти прямо сейчас выпить кофе?

И снова не найдя повода отказать ему, промерзшая до костей после часового стояния на дожде, Марианна согласилась:

– Хорошо.

В знакомом кафе с веселенькими занавесками в красно-белую клетку и такими же скатертями, где аромат свежесваренного кофе смешивался с запахом пара от промокшей одежды клиентов, все было забито. К счастью, ей удалось найти столик возле дровяной плиты. Почти тут же появилась официантка, чтобы принять заказ, – у Марианны не было сомнений в том, что так и произойдет: Эдуардо выглядел отнюдь не как рядовой посетитель. Его почти королевская осанка и внушительная внешность привлекали внимание.

«Вот только что я делаю в его компании?» – Марианна с неодобрением взглянула на свою гитару в потрепанном футляре.

Эдуардо сделал заказ. Положив руки на клетчатую скатерть, он молча смотрел на нее. Она откашлялась и натянуто улыбнулась, чувствуя себя неловко в своей нелепой одежде.

– Какое милое местечко. Выгодно отличается от местных кафе, в которых я обычно бываю. Кофе здесь очень хороший, да и выпечка тоже неплохая. Я рад, что вы выбрали столик у огня... вы кажетесь совершенно замерзшей!

– Уже нет. Я согрелась.

Расстегнув несколько пуговиц на куртке, Марианна с улыбкой посмотрела на Эдуардо, искренне тронутая его заботливым тоном.

– Я вынужден спросить вас... Ваши родители одобряют, что вы поете на улице? – спросил он, нахмурившись.

«Итак, лично он этого не одобряет!» – сделала вывод Марианна.

– Их больше нет рядом со мной, поэтому они не могут выразить свое мнение, – ответила она. – Знаете... не хочу показаться грубой... но это вас не касается!

– Сколько же вам лет? Семнадцать? Восемнадцать?

Марианна перестала крутить в руках сахарницу и с негодованием взглянула на него:

– Для вашего сведения, мне уже двадцать четыре – и я вполне способна сама заботиться о себе и принимать собственные решения, не спрашивая ничьего согласия! В том числе и родителей, даже если бы они находились рядом.

– Дело в том, что вы выглядите значительно моложе... – пробормотал Эдуардо.

– Вряд ли я виновата в этом! – усмехнулась Марианна.

– Я просто обеспокоен тем, что вы выбрали для своей работы улицу. Не могли бы вы петь где-нибудь в другом месте?

– Здесь есть один народный клуб, в котором я иногда пою, но он открыт только два раза в месяц. Мне этого мало. Кроме того, – добавила Марианна, – торговцы, которые работают

на здешней ярмарке, присматривают за мной. Кто-нибудь из них немедленно придет мне на помощь в случае чего.

Эдуардо вздохнул:

– Ну хоть что-то...

– Пожалуйста, не думайте больше об этом. Я пою на улице уже больше года, и пока со мной ничего страшного не случилось!

Официантка принесла им кофе и два больших куса фруктового пирога, который заказал Эдуардо. Марианна положила в свою чашку сахар и размешала.

Он полез во внутренний карман своего пальто за бумажником, достал визитную карточку и протянул Марианне.

– Зачем это?

– Если вам когда-нибудь что-то понадобится...

– Что мне может понадобиться от абсолютно незнакомого человека?

И тут, к собственному ужасу, Марианна вдруг осознала, что близка к тому, чтобы расплакаться. Какое-то предательское чувство незаметно подкрадывалось к ней, и сейчас уже слишком поздно, чтобы его сдержать. В последнее время с ней это часто случалось.

Бразилец поджал губы:

– Работа, например... И, судя по тому, что мы сидим сейчас здесь вместе, я больше не незнакомый вам человек. Если станет еще холоднее – а прогноз неутешительный на конец января, – вам может понадобиться какой-то альтернативный способ зарабатывать. Работа, которая сможет обеспечить вам крышу над головой и нормальное питание.

– А что за работа? – заинтересовалась Марианна и невольно посмотрела в окно на серо-стальное небо, обещающее дальнейший снегопад. Ее охватила дрожь.

– Мне нужна помощница по хозяйству. – Он пожал широкими плечами.

– Помощница по хозяйству?..

– У меня уже есть слуга, выполняющий мои личные поручения... но, живя здесь уже почти год, я все больше понимаю, что мне не помешала бы помощь по дому. В данный момент у меня работают уборщицы по контракту, а Рикардо, мой слуга, стряпает. Но если вы умеете готовить, он будет только рад избавиться от этой обязанности. Подумайте и позвоните мне, если захотите попробовать. Мой дом находится за городом, в довольно безлюдном месте. Если вас это не смущает, тогда, думаю, вы не будете разочарованы.

– И вы предоставили бы мне эту работу, даже не зная, смогу ли я выполнять ее? – скептически спросила Марианна, взглянув на него чудесными ореховыми глазами.

– Вы производите на меня впечатление очень независимого человека, быстро все схватывающего и не суетливого. Уверен, вы прекрасно со всем справитесь.

– Вы всегда так доверчивы по отношению к совершенно незнакомым людям? Я же могу оказаться кем угодно! А что, если я стяну у вас столовое серебро или какие-то необыкновенные фамильные ценности?

Уголки жесткого рта Эдуардо поползли вверх. На миг у Марианны перехватило дыхание от веселой вспышки, преобразившей неотразимые голубые глаза.

– Неужели девушка, которая поет на улице, зарабатывая какие-то мелкие монеты, и возвращает мне пятидесятидолларовую банкноту, чтобы я пожертвовал ее бездомным, способна украсть даже крошку хлеба у своего работодателя? – Он покачал головой и снова стал серьезным. – Не думаю.

– Я благодарна вам за ваше участие и за предложение работы, но еще не готова к переменам. Пока не разразится настоящая пурга, я буду петь на улице.

– Ну что ж... Вам решать, конечно. Что же вы не попробуете пирог? Выглядит очень аппетитно.

– Спасибо. Попробую.

Через двадцать минут они расстались: Марианна возобновила пение на улице, а Эдуардо направился по своим делам. Она не стала спрашивать его куда. Но когда посмотрела ему вслед, ее сердце забилося чаще.

– Спой нам, дорогая! – Один из веселых уличных торговцев фруктами остановился перед Марианной, хлопая себя замерзшими, несмотря на перчатки, руками. – Нам нужно чем-нибудь согреться. Сегодня холодина похлеще, чем в Сибири, а вечером прогнозируют еще и сильную метель. Не знаешь ли ты песен про весну?

Марианна улыбнулась:

– Как насчет песни о первоцвете?

– Отлично, – улыбнулся ей в ответ торговец.

Когда предложение о работе сорвалось у Эдуардо с языка, он и сам удивился. С уборщицами, работавшими у него по контракту, он лично не общался. Одно дело – Рикардо, которого он привез с собой из Рио-де-Жанейро, и совершенно другое – пригласить новую молодую знакомую под свою крышу, чтобы она стала его помощницей по хозяйству. Особенно когда он так тщательно охранял свое личное пространство.

Да, помощница по хозяйству ему действительно нужна. Но Марианна отвергла его! Честно говоря, он не особенно верил, что она примет его предложение, но все же... Эдуардо задело то, что она не согласилась. И он был убежден, что если снова попытается предложить ей деньги, она швырнет их ему в лицо и пошлет его к черту! У девушки крутой характер, это уж точно!

Эдуардо был искренне поражен, что она оказалась вовсе не подростком, а двадцатичетырехлетней женщиной.

Он прошел в отделанную мрамором ванную, нервно взъерошил волосы и вздохнул. Лучше всего было бы сдержать филантропические порывы, касающиеся этой молодой женщины, и сосредоточить усилия на том, чтобы восстанавливать пострадавшую ногу. А потом, когда он окончательно выздоровеет...

Эдуардо подошел к большому овальному зеркалу, пристально посмотрел на свое отражение и скорчил гримасу, увидев глубокие тени под глазами – следствие телесных и духовных страданий и бессонных ночей.

А потом...

«А потом будет видно», – сказал он себе, с трудом представляя свое будущее.

О каком будущем можно было говорить, когда две жизни, так тесно переплетенные с его собственной жизнью, были вырваны с корнем? Когда каждую ночь ему снится кошмарный сон о той катастрофе, которая убила их? Сон о катастрофе, которая произошла из-за него?..

Глава 3

Торговец фруктами, предрекавший метель, оказался прав. Утром, выглянув в окно, Марианна увидела белоснежную мантию, накрывшую сад и улицу.

Приготовив себе горячий шоколад, она стала наигрывать на фортепиано незаконченную песню, которую сочиняла. Наконец, не в силах больше выносить одиночество, надела поверх джинсов и свитера теплую куртку, натянула сапоги, водрузила на голову шапку и вышла на улицу.

От морозного воздуха перехватывало дыхание, глаза слезились. Идти по снегу было трудно, но она заставила себя совершить прогулку в ближайший парк. При виде веселых детей, катающихся с горки на санках и играющих в снежки, к ней снова вернулась надежда на будущее. А если какие-то горькие воспоминания о ее собственном детстве, лишенном таких радостей и ощущения защищенности, и начали подбираться к ней, она решительно отбросила их.

Вернувшись домой, Марианна поклялась себе и впредь отметать от себя подобные воспоминания. В середине дня рано опустившаяся на городок темнота заставила ее снова зажечь везде свет и задернуть занавески. Сидя в кресле у камина, она смотрела на языки пламени, лижущие поленья, и в который уже раз обдумывала перспективу своей одинокой жизни в ближайшем будущем.

Доналд бы страшно рассердился на нее за то, что она сидит здесь одна и жалеет себя. Это уж точно! Марианна вдруг расплакалась. Так долго сдерживаемый поток слез вырвался наружу.

А когда слезы иссякли, Марианна подошла к кровати и легла, свернувшись клубочком. Она накрылась с головой пуховым одеялом, чувствуя себя совершенно опустошенной. Перед тем как закрыть глаза, девушка поклялась себе, что никогда больше не допустит такой бесплодной жалости к себе! Завтра наступит новый день, который наверняка принесет что-то интересное.

Однако когда на следующее утро она подняла угол занавески и увидела еще более толстый покров снега и кружащиеся в воздухе снежинки, ей пришлось собрать все свои силы, чтобы не пасть духом. Ночью она многое обдумала и сегодня должна была многое сделать, чтобы выполнить свое решение.

Взрослые дети Доналда – Майкл и Виктория – оспорили завещание отца, по которому он оставляя дом и все свое имущество Марианне. Почти полтора года она терпела формальные и холодные письма от их адвоката, приводящего разные доводы в пользу детей Доналда. Адвокат намекал на то, что Доналд, отдавая все своей жене, был не в своем уме...

С нее хватит! Пусть забирают и дом, и все имущество. Она все отдаст им, не раздумывая и без всякого сожаления.

Марианна была уверена, что Доналд простил бы ее за это.

А она сама не хочет быть никому обязанной. Даже своему покойному мужу. Она хочет снова быть свободной... Так что из этого дома она возьмет только свою одежду, гитару и те небольшие сбережения, которые у нее есть. Все остальное – даже подарки, которые ей делал Доналд в течение их короткого брака, – она оставит его алчным детям.

Решив ничего не откладывать в долгий ящик, Марианна потратила весь день на уборку дома, расставила на полках книги, упаковала свои вещи и поставила мебель так, как та стояла, когда она впервые въехала сюда с Доналдом.

Проснувшись на следующее утро, Марианна увидела, что снег все еще продолжает идти. Значит, сегодня у нее не будет возможности выбраться в город.

Марианна импульсивно принялась искать визитную карточку Эдуардо де Сауза, которую тот настойчиво вручил ей. А затем дрожащими пальцами стала набирать номер его домашнего телефона.

Теперь, когда она приняла решение уехать и наладить новую жизнь, обеспечить свое будущее, ей не терпелось поскорее оставить прошлое позади и начать все сначала. «Но снежные заносы могут задержать меня надолго», – подумала она, чувствуя, как ее охватывает настоящий страх, пока она ждала, когда ей ответят на том конце провода.

– Алло? – ответил мужской голос с акцентом.

– Это мистер де Сауза? – отважилась спросить Марианна.

– Нет. Могу я спросить, кто звонит?

Решив, что это, должно быть, его слуга, Марианна четко произнесла:

– Марианна Локвуд. Мистер де Сауза может подойти?

После некоторой паузы мужчина ответил:

– Подождите, пожалуйста. Я посмотрю.

Пока этот человек разыскивал своего хозяина, Марианна несколько раз порывалась положить трубку.

Что она делает?! Она понятия не имела, что значит быть помощницей по хозяйству. Не знала и о том, каким работодателем может оказаться Эдуардо де Сауза. Вне всякого сомнения, он будет строгим и придирчивым и заставит ее горько раскаяться, что она приняла его предложение работать у него.

– Марианна? – раздался в трубке голос Эдуардо, нетерпеливый и слегка запыхавшийся, словно его оторвали от какого-то дела.

– Здравствуйте. Это Марианна... уличный музыкант из города, – произнесла она слегка дрожащим голосом. – Я... я надеюсь, вы не возражаете против моего звонка? Вы говорили...

– Вам что-то понадобилось?

Марианна подняла глаза к небу, набираясь смелости.

– Работа... и крыша над головой, – ответила она, сделала глубокий вдох и заставила себя посчитать до десяти, чтобы не передумать. – Вам все еще нужна помощница по хозяйству?

Испарина выступила на лбу Эдуардо. «Этот физиотерапевт вполне мог бы быть палачом во времена испанской инквизиции», – мрачно подумал он, когда врач вертел во все стороны его испещренную шрамами ногу, проверяя ее подвижность. Не выдержав наконец пытки, Эдуардо выругался. Как оказалось – вслух. Вздвогнув, физиотерапевт пробормотал извинения и уложил ногу пациента обратно на кушетку.

Уставившись на украшенный лепниной потолок своей библиотеки, где он лежал, Эдуардо почувствовал, как его сильно бьющееся сердце постепенно возвращается к нормальному ритму.

– Мы закончили? – спросил он хриплым голосом.

Рыжеволосый врач сочувственно улыбнулся:

– Вам достаточно на сегодня, мистер де Сауза. Мой совет – дайте вашей ноге покой до конца этого дня. Постарайтесь хорошо отдохнуть сегодня и не переутомляться.

– Это вас в медицинском институте учат говорить столь избитыми штампами? – раздраженно произнес Эдуардо, свесив ноги с кушетки и проигнорировав попытку врача ему помочь.

Ничем не выказав обиду, по крайней мере внешне, физиотерапевт снова улыбнулся:

– Иногда отдых – лучшая терапия при физических травмах. Организм должен мобилизовать собственные силы для исцеления, а отдых дает возможность сделать это. Вы сегодня испытывали некоторое неудобство, но смею утверждать, что ваша нога приходит в норму

после последней операции. Еще месяц-другой – и вы заметите при ходьбе значительное улучшение. Я практически гарантирую это.

– Дайте мне свою руку, – пробормотал Эдуардо, вставая, хотя психологически ему было трудно принимать помощь даже от врача.

Услышав, как внизу открылась, а потом снова закрылась тяжелая дубовая дверь, Эдуардо вспомнил, что попросил Рикардо съездить за Марианной. Забавно, что с таким нежеланием принимать помощь от кого бы то ни было он, по сути дела, только что нанял девушку, с которой едва знаком. Более того, пригласил ее жить в его доме и помогать по хозяйству!

Интересно, почему она вдруг передумала и согласилась работать у него помощницей по хозяйству? Не так уж трудно догадаться... Просто возобладавший здравый смысл и резко упавшая температура на улице заставили эту маленькую музыкантшу принять подобное решение. По крайней мере, его совесть теперь успокоится и он не будет думать, что эта девушка, поющая на обочине дороги, в итоге окажется в больнице, куда непременно попадет с воспалением легких!

– Похоже, к вам идут, – приветливо сказал врач. – Может, вы позволите мне привести здесь все в порядок?

– Рикардо, прими пальто у... мисс Локвуд и повесь его, будь добр, а потом, возможно, она захочет выпить чашку горячего шоколада, чтобы согреться? Мы будем в гостинной.

Проводив глазами Рикардо, который сначала помог гостье снять слишком просторное твидовое пальто, а затем вышел, Эдуардо скользнул взглядом по пестрой одежде, которая оказалась у девушки под пальто. На свои рассыпанные по плечам длинные волнистые волосы она водрузила кричащую вишневокрасную шерстяную шапочку.

Эдуардо нахмурился.

– Не снять ли вам и шапочку? – предложил он, еле сдерживаясь, чтобы не улыбнуться.

– Ой, я забыла!

Ставив шапочку с головы, Марианна сунула ее в большую сумку, сшитую из разноцветных бархатных лоскутков, которую она поставила у своих ног на мраморный пол.

На несколько мгновений статическое электричество подняло дыбом ее светлые волосы, и Эдуардо невольно залюбовался столь привлекательной картиной. Кинематографический образ Мэри Поппинс, эксцентричной хорошенькой английской няни, возник перед его глазами. «Та ведь тоже пела», – на этот раз без улыбки вспомнил он. Но Эдуардо не нужна была няня, ведь его ребенок так и не родился... Ему нужна была помощница, ведущая хозяйство. Человек, который мог бы помочь сделать его жизнь в добровольном заточении немного более сносной и приятной.

– Идите за мной, – сказал он, выходя из просторного холла с массивным медным канделябром в коридор.

Миновав несколько закрытых дверей, они приблизились к той, которая была слегка приоткрыта. Они вошли в уютную гостиную, тишину в которой нарушали лишь шипящий звук ярко пылающего огня в камине и умиротворяющее тиканье часов на мраморной каминной доске.

Эдуардо посторонился, пропуская Марианну.

– Ой, как красиво!

Эти ее слова относились не к самой комнате, как он заметил, а к потрясающему виду за высокими сводчатыми окнами с раздвинутыми драпировками. Эдуардо почувствовал, как его переполняет гордость, когда он взглянул через оконное стекло на силуэт волшебных елей на фоне темно-синего неба. Звезды были рассыпаны по нему как капли фосфоресцирующей краски, а ослепительный серп луны казался волшебной игрушкой, подвешенной каким-то умелым кукольником.

– Я же говорил вам, что вы не будете разочарованы, так ведь? Но эта картина не идет ни в какое сравнение с той, которую вы увидите при дневном свете.

– Я почти потеряла дар речи при виде такой красоты! – улыбнулась Марианна, взглянув в его сторону.

И снова Эдуардо с тревогой ощутил, что не в состоянии выдержать лавины чувств, нахлынувшей на него, и того сладострастного желания, которое вызывала в нем эта очаровательная улыбка. Какое-то мгновение он неотрывно смотрел на девушку. Давно забытое волнение забурлило в его жилах...

– Мы словно находимся в каком-то другом мире! – воскликнула Марианна с сияющими глазами. – Как вам удалось найти такое место?

– Моя мама выросла в здешних краях, а меня привозила сюда ребенком. Поэтому, подыскивая себе дом, я сразу решил, где хочу поселиться. Мне показали несколько вариантов, прежде чем я нашел это место.

– Вы были правы, когда сказали, что это безлюдный район, – задумчиво произнесла Марианна. – Когда Рикардо вез меня сюда, я не увидела ни одного дома на протяжении многих миль!

– Может быть, с вашей точки зрения, это слишком далеко от... людей?

– Поскольку я не отношусь к тем, кому нравится постоянно находиться в толпе, жизнь в отдалении от города меня совершенно не пугает. Кроме того... слишком долгое общение с людьми через какое-то время здорово утомляет. Вы понимаете, о чем я?

– Конечно... иначе бы не жил здесь, – улыбнулся Эдуардо, искренне удивленный тем, что ей было вполне комфортно в собственной компании. В современном мире, когда окружающие его люди, казалось, нуждались в постоянном шуме и развлечениях, это показалось ему весьма необычным. – Не продолжить ли нам наш разговор у камина?

Когда они уютно устроились в удобных кожаных креслах, Эдуардо проследил за зачарованным взглядом Марианны, устремленным на дрожащие янтарно-золотые языки пламени. На какое-то время приятное молчание окутало их, словно мягкое снежное покрывало, прикрывшее пустынный зимний ландшафт за окном.

– Вам достаточно тепло? – спросил он.

Отведя взгляд от огня, Марианна удивленно заморгала. Словно на миг забыла, кто он и почему она оказалась здесь.

– О да... очень тепло, спасибо. Вероятно, вы удивились, почему я решила принять ваше предложение? – сказала она поспешно, нервно теребя бледными пальцами воротник красного шерстяного платья. – Дело в том... я вдруг поняла – мне как раз необходима какая-то перемена. К тому же меня три дня подряд заметало на улице снегом... Я поняла: пора попробовать что-то другое.

– И тогда вы решили позвонить мне? – Сцепив руки под подбородком, Эдуардо задумчиво вглядывался в милое нежное лицо с выразительными ореховыми глазами.

Не бежала ли эта девушка от чего-то? От жестокости или несчастья, о которых не сказала?

– Решила. Вы... вы не возражаете?

– Я бы не дал вам свою визитную карточку, если бы возражал.

– Просто хочу быть уверенной...

– Позвольте мне спросить вас о той работе, которой вы занимались раньше...

– Понимаете, я... – Марианна взглянула на огонь. – Я работала в магазинах, в основном в больших магазинах одежды, потом в музыкальном магазине, торгующем музыкальными инструментами и нотами.

– Вы, судя по всему, были там на своем месте, – заметил Эдуардо, уже зная, что ее страсть – музыка.

– Была. – Очаровательная улыбка снова вернулась, открытая и беззащитная. – Послушайте... У меня нет опыта помощницы по хозяйству, но я быстро схватываю и на самом деле получаю большое удовольствие, создавая уют в доме.

– Кстати, о доме... Где вы жили в последнее время, Марианна? – спросил заинтригованный Эдуардо. – В какой-нибудь коммуне или общежитии?

Ее взгляд выражал смятение.

– Нет. В доме, который я делила с одним человеком.

– С бойфрендом?

– Нет... не с бойфрендом. Не могли бы мы поговорить о моей предстоящей работе и о том, в чем она будет заключаться?

Эдуардо с трудом заставил себя сдерживать любопытство. Он не ожидал, что встретит такое деловое отношение к работе со стороны Марианны – ведь девушка казалась ему весьма богемной.

Заведенный порядок в доме и налаженный быт способны иногда облегчать душевную пытку, действуя своего рода завесой, отгораживающей от болезненных событий прошлого. Это стало открытием для Эдуардо, некогда неисправимо рискованного человека.

– Я уже дал Рикардо инструкции. Он обычно рано встает. Пройдете к нему на кухню – и он объяснит вам ваши обязанности. Но сначала позавтракаете. – Эдуардо оглянулся на звук открывшейся двери: – А вот и Рикардо! Рикардо, утром ты расскажешь мисс Локвуд все об ее обязанностях по дому.

Высокий темноглазый молодой человек с копной кудрявых черных волос, в хорошо сидящих джинсах и синей водолазке, улыбнулся Марианне и кивнул в знак согласия.

– А теперь пейте ваш горячий шоколад, – сказал ей Эдуардо, позавидовавший беззаботной улыбке своего слуги. Как бы он хотел не чувствовать себя великовозрастным инвалидом рядом с этими еще совсем молодыми людьми! – Рикардо принесет ваши вещи из машины и покажет вам вашу комнату.

– Спасибо.

Марианна, поднявшись одновременно с Эдуардо, с удовольствием сжала в ладонях чашку с горячим шоколадом, которую ей протянул Рикардо.

«Она выглядит немного усталой», – подумал Эдуардо.

Без сомнения, ей не терпится поскорее уйти в свою комнату, осмотреться и подумать о том, какая жизнь ждет ее в предстоящие дни и недели в этом уединенном месте с ее новым малоразговорчивым работодателем. Не пожалеет ли она впоследствии о принятом решении? Не придет ли к выводу, что петь на улице гораздо легче и интересней, какой бы суровой ни была погода?

Эдуардо осознавал свои недостатки. Знал, как депрессия, а иногда и отчаяние неожиданно наваливаются на него, и тогда он становится невыносимым занудой. Рикардо привык к такой его неприятной особенности, а вот эта хрупкая на вид девушка – нет.

Помрачнев от таких мыслей, Эдуардо решил уйти и отвлечься с книгой об одном бразильском художнике-авангардисте, которую недавно начал читать. А Марианна пусть остается с его добродушным и, без сомнения, более приветливым слугой...

Марианна была очарована комнатой, которую ей отвели. После того как Рикардо положил ее чемодан на аккуратно застеленную двуспальную кровать с резным изголовьем, а потом осторожно прислонил к стене футляр с гитарой, она поблагодарила его за помощь и пожелала спокойной ночи.

Оставшись одна, Марианна оглядела обстановку. Давно уже она не испытывала такого чисто женского удовольствия!

Взбитые подушки и очаровательное покрывало, расшитое крошечными розовыми розочками, на такой манящей кровати помогли Марианне наконец осознать, насколько она устала – духовно, физически и эмоционально...

Но она тут же забыла об усталости, представив, как замечательно будет возвращаться в эту комнату после трудового дня! Едва войдя сюда, она сразу же почувствовала, как обстановка располагает к отдыху. Что касается вида, открывающегося из огромных сводчатых окон, то лучшего Марианна и придумать бы не смогла. За раздвинутыми мягкими красными шторами открывалась та же панорама, которую она наблюдала, сидя в гостиной внизу.

Пристально вглядываясь в холодную лунную ночь за окном, Марианна почувствовала, как утихает всякая тревога по поводу того, что она сделала. Все мосты за ее спиной были сожжены, но все сложится хорошо!

Во-первых, она испытывала добрые чувства к Эдуардо де Сауза. Может, он несколько загадочен и даже мрачен, но при этом она ощущала его доброту. Ей нечего было опасаться.

Во-вторых, дом, куда она попала и где будет отныне работать и жить, Марианне очень нравился.

Девушка сделала несколько шагов по старинному дубовому полу к комоду красного дерева, на котором стояла изящная стеклянная вазочка с фрезиями. Открыв комод, она обнаружила, что каждый ящик элегантно выстлан шелком с цветочным рисунком. Столь же элегантный двустворчатый шкаф оказался достаточно просторным, чтобы вместить довольно жалкий гардероб ее разношерстной одежды.

А от ванной комнаты Марианна и вовсе пришла в восторг. Самое почетное место в ней занимала сверкающая белизной ванна с золочеными кранами. На стенах висели полки, уставленные многочисленными баночками с кремами и солью для ванн, флаконами с дорогим парфюмом. Ванную комнату наполнял тонкий аромат – Марианне даже показалось, словно она очутилась в прекрасном саду в самый разгар лета, когда благоухающие цветы находятся в расцвете своей красоты. Сбоку от единственного овального окна стоял шкаф, где лежали аккуратные стопки свежих белоснежных полотенец и дорогого постельного белья.

Еще раз осмотрев свое новое жилище, Марианна удивленно нахмурилась. Она ощущала себя скорее желанной гостьей в доме Эдуардо, чем его новой помощницей по хозяйству.

Тронутая его старанием предоставить ей максимум комфорта, Марианна тем не менее с трудом могла это понять. Тут она вспомнила, как он спрашивал ее, не жила ли она раньше в коммуналке или в общежитии. Очевидно, Эдуардо решил, что ей сейчас весьма тяжело в материальном плане. И ее пение на улице подтверждало это.

Но почему такого человека, как Эдуардо, должно было взволновать бедственное положение какой-то уличной певички? Такое участие в судьбе незнакомого человека как-то не вязалось с его жестким и каким-то отстраненным обликом.

Да, Эдуардо де Сауза – весьма загадочный мужчина...

Вздыхнув, Марианна провела ладонью по своим щекам, все еще горевшим от жара камина, и, убрав свой чемодан, упала на кровать.

Ей не хочется вводить Эдуардо в заблуждение... Особенно после того, как он так любезно предоставил ей шанс начать свою жизнь снова. Он заслуживал того, чтобы в какой-то момент узнать правду. Узнать, что Марианна вышла замуж за человека, который был безнадежно болен уже в момент их знакомства. Что этот человек был значительно старше ее. И что они с Марианной подружились на почве их общей страстной любви к музыке. Узнав, что у нее нет семьи, он женился на ней, чтобы окружить любовью и заботой, которых она была давно лишена. И в итоге завещал ей свой дом со всем находящимся там дорогим имуществом.

Марианна не осталась без средств, как вообразил Эдуардо. На самом деле она вообще ни в чем не нуждалась. До недавнего времени.

А сейчас ей действительно нужна работа и крыша над головой. Потому что она отправила по почте свои ключи от дома Майклу и Виктории и попросила их выслать ей любые бумаги, которые требовали ее подписи. Дом теперь принадлежит им – так решила Марианна, отказавшись от каких-либо судебных споров... Не стоило портить себе нервы.

Кроме того, она хотела стать настолько независимой, насколько это было возможно. И материально, и духовно. Доналд на какое-то время дал ей передышку, но теперь его не стало, и Марианна решила, что долго-долго не захочет каких-то новых отношений... если вообще когда-нибудь захочет. Ее печальный опыт показал, что самые дорогие люди либо уходят от нее, либо бросают в беде.

А чтобы ее работодатель не посчитал свою новую помощницу по хозяйству бездушной авантюристкой, которая вышла замуж за пожилого мужчину только ради его денег, он должен узнать, что Доналд искренне любил ее! Как и она – его. Им с Доналдом были отпущены короткие полгода – до того момента, когда болезнь убила его. Но этот человек сделал для Марианны больше, чем когда-либо ее родители...

Слезы навернулись на глаза.

Хватит плакать! Тот этап ее жизни закончился, теперь начинается новая жизнь!

Вытерев глаза, Марианна встала.

Теперь ей надо постараться, чтобы Эдуардо не пожалел о своем решении относительно нее. У Марианны сложилось впечатление, что этот бразилец, каким бы добрым он ни был, все-таки не любит пускать незнакомых людей на свою территорию. Ей показалось, что он оберегает свое личное пространство: почти все их разговоры пока касались ситуации Марианны, а не его собственной.

Внизу, когда они сидели по разные стороны камина, она тайком наблюдала за ним и не могла не заметить боль, время от времени вспыхивающую в его потрясающих голубых глазах. Как и стремление скрыть эту боль. Травма или заболевание, от которого он страдал, были недавними, и она почувствовала, что только нежная забота поможет этому человеку.

Эдуардо очень повезло. Для Марианны заботиться о других было столь же естественно, как и жить...

Глава 4

Странно, но в этом незнакомом и новом для себя доме Марианна уснула сразу же. А проснувшись, немедленно вскочила и босиком по скрипучему полу подошла к окну. Хотя было еще темно, на небе уже проглядывали неясные розовые и серые полосы, словно мазки пастельных красок с палитры художника. Близился рассвет. Бриллиантовый блеск заиндеветшего снега был таким ярким в полутьме, что на его фоне ясно и четко выглядели дальние холмы и деревья.

От потрясающего пейзажа у нее так же захватило дух, как и прошлым вечером.

Скрестив руки на груди, Марианна вздрогнула, словно предвкушая грядущий день. Настраивая себя на оптимистичный лад, она сказала себе, что стоит на пороге нового этапа своей жизни. И это замечательно! И совершенно не страшно.

Какое-то время она просто стояла, любуясь заснеженными холмами и высокими деревьями, вершины которых исчезали в облаках.

Перед ней словно возникла волшебная иллюстрация к одной из детских сказок. Она могла бы даже вообразить себя сказочной принцессой, заточенной в башне. Принцесса стоит у окна и пристально вглядывается в великолепное королевство своего злобного порабощателя...

Марианна вспомнила раздраженный голос школьного учителя: «Лучше бы ты меньше грезила наяву, Марианна Локвуд, а уделяла больше внимания школьным занятиям».

«Но учителя знают далеко не все», – подумала она мрачно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.